

РАЗВИТИЕ МАКСИМЫ О НЕИЗВИНИТЕЛЬНОСТИ НЕЗНАНИЯ ПРАВА В КЛАССИЧЕСКОМ И ПОСТКЛАССИЧЕСКОМ РИМСКОМ ПРАВЕ

Вошедшие в обиход юридического дискурса утверждения порою приобретают аксиоматический характер. Это позволяет редуцировать объем аргументов, при помощи которых обосновываются выводимые на основе таких утверждений силлогизмы, а также исключить из обсуждения доводы, заведомо расходящиеся с концептуальным представлением о праве. К числу таких утверждений относится идея о всеобщей известности права, не допускающая ссылок субъекта на незнание нормативных предписаний.

Вместе с тем, такие современные явления, как растущий объем законотворческих актов, глобализация гражданского оборота, правовой плюрализм, неизбежным образом ставят под сомнение принципиальную неизвинительность незнания права. Разделяя взгляд на право как на сложный социокультурный феномен, требующий комплексного изучения, в том числе в исторической перспективе¹, мы исходим из необходимости поиска истоков представления о всеобщей известности права, чему и будет посвящено дальнейшее изложение.

Основная идея настоящего доклада заключается в том, что на протяжении классического и постклассического периодов римского права образуются его две основные формы, в отношении которых и развивался дискурс о незнании права (*ignorantia iuris*). Первую из них можно условно обозначить как *имплицитную*, охватывающую не выраженные в нормативных актах, но признаваемые правопорядком типичные ситуации правового взаимодействия свободных индивидов. Наряду с ней впоследствии появляется *эксплицитная* форма, опосредующая нормативные предписания действующей власти. Подобный плюралистический взгляд на позитивацию права и правотворчество в целом, как представляется, позволяет приблизиться к решению вопроса, в каких случаях извинительно незнание права.

Выбранный исторический период для обсуждения не случаен. Исследования, посвященные проблеме незнания права, ученые начинают с различных отправных точек в зависимости от целей, которые они преследуют². Тем не менее, сознательное разделение

¹ Подобный призыв к обширному историческому исследованию без труда можно обнаружить у Г. Бермана (см.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 28 – 34).

² В отношении законов Хаммурапи см. Vid Jakulin. Rechtsirrtum // Slovenian Law Review (2005) 55. P. 55 – 56; в отношении талмудистских канонов см. Ryu P. K., Silving H. Error juris: a comparative study // The University of Chicago Law Review (1957) vol. 3. P. 424 – 425; Довольно пространное обращение к эллинистическому

правового и фактического в обсуждении отдельных юридических проблем исследователи обнаруживают именно в источниках римского права.

Пожалуй, наиболее ярким примером негативного отношения к правовому заблуждению является сентенция Павла: незнание права вредит каждому, незнание факта не вредит (D. 22.6.9). Догматическое обоснование данной максимы исследователи обнаруживают у Нерация (D. 22.6.2), по мнению которого незнание права не должно занимать того же места, что и незнание факта, поскольку всё право может и должно быть конечным (*ius finitum et possit esse et debeat*). Однако такое объяснение, с одной стороны, сталкивается с критикой, не признающей за данным выражением значения подлинного правила. С другой стороны, утверждается об интерполированности, а во всяком случае, неясности самого фрагмента Нерация о *ius finitum*, не дающего внятного объяснения недопустимости незнания права.

Основания для дискриминации ошибки в праве некоторые исследователи обнаруживают в формализме римского архаического права. Другие видят в обязанности знания права моральные и религиозные корни. Нередко для подкрепления подобного воззрения обращаются к произведениям Цицерона. Так, в сочинении «Об ораторе» он утверждает, что даже несовершенное право возможно познать, поскольку оно *укоренено в повседневной практике* римских граждан (De Oratore 1.43). Акцент на регулярности соответствующего поведения приближает нас к юридическому пониманию неизвинительности незнания права как противоречащему требованию формального равенства, которое предполагает одинаковое применение установленных норм к каждому члену общества. Выражением формального равенства на уровне понятийного аппарата римских юристов становится принцип добросовестности, а его гипостазирование приводит к формированию представления о модельном участнике правовой системы, обладающим признанным в обществе стандартным набором качеств.

Очевидно, неосведомленность в правилах, регулирующих существование членов общества, не отвечает типичным качествам модельного индивида, тогда как вменение знания права выражает требование соответствия заданным стандартам. Связь принципа доброй совести с максимой *ignorantia iuris nocet* выявляют фрагменты, посвященные путативному титулу, т.е. убеждению владельца в существовании *iusta causa usucapionis*, который давал возможность приобрести вещь по давности. Это, однако, допускалось не всегда, и в отдельных случаях заблуждение в существовании брака (D. 41.9.1.4) или открытия наследства (D. 41.5.1) исключало возможность приобретения по давности.

Очевидно, причиной тому служило представление о невозможности незнания своего собственного правового статуса. Прямое упоминание об *error iuris* встречается в D. 41.3.31 при отрицании возможности приобретения по давности в ситуации, когда приобретатель осознанно приобрел у несовершеннолетнего, полагая, что таким лицам возможно самостоятельно распоряжаться имуществом.

Кроме того, в пользу взаимосвязи правила о неизвинительности незнания права и принципа добросовестности свидетельствуют те исключения применительно к некоторым группам лиц, которые, по словам Павла, «*forensium rerum experts*», что можно перевести как «не сведущие» или «не принимающие участия в делах, происходящих на *форуме*» (D. 22.3.25.1). Форум как раз и составлял то место, где происходило правовое общение, где полноправные лица своими действиями творили действующее право, вступая в различные правоотношения. Следовательно, лица, не являвшиеся постоянными посетителями форума, не могли иметь надлежащего представления о сложившихся внутри него моделях поведения, и поэтому к их незнанию относились снисходительно.

Таким образом, основанием для учета незнания права служил критерий объективной возможности лица принимать участие в формировании типизированных правоотношений благодаря регулярному взаимодействию с другими индивидами. Данный процесс и образует одну из форм позитивации права: не закреплённую напрямую законодателем, но признаваемую правопорядком стандартизованную поведенческую ситуацию.

Начиная с I в. н.э. происходит активизация правотворческой деятельности императорской канцелярии, что выразилось в появлении особой формы позитивации права – конституций принципсов.

В эпоху принципата ещё сохраняется прежнее республиканское представление о народном суверенитете и участии граждан в законодательной деятельности, тогда как должность принципса была пусть и пожизненной, но магистратурой, производной от воли народа. Эпоха же домината, ознаменовавшая абсолютную власть императора, в то же время породила трудности в обосновании её легитимности на территориях, присоединённых вследствие расширения Империи. На юридическом уровне это означало необходимость проведения идеи об общеобязательности императорских нормативных актов.

В этих условиях мы и застаём упоминание об *ignorantia iuris* в императорских конституциях (C. 1.14.9). Разработка универсальных нормативных предписаний об обязанности знания императорской канцелярией объясняется учеными внешним социальным контекстом. Рост императорской власти связывается ими с требованием тотального подчинения для укрепления позиций на новых территориях. В подтверждение

этому нередко приводится Конституции Антонина в 212 г. н.э., которая распространила римское гражданство на peregrinos и latinos.

На наш взгляд, чтобы установить подлинное значение максимы *ignorantia iuris nocet* в императорском законодательстве, необходимо обратиться к существу законотворческого процесса. Связь исследуемой максимы с необходимостью подавления недовольства местного населения римских провинций свидетельствует о попытке связать действие права с реакцией подчиняющихся ему субъектов. Тем не менее, подобный взгляд позволяет дать объяснение лишь ограниченному кругу норм, зачастую носящих уголовно-правовой характер, и смешивает действительность права с его действенностью, нормативное долженствование с бытийным фактом. По существу, он в состоянии описать действие права лишь в самом примитивном социуме, в котором из фактических действий его членов действительно возможно вывести заключение о действующем праве. Однако по мере его усложнения наличие первичных норм³ требует их подкрепления вторичными, к числу которых также относятся правила, направленные на обеспечение известности первичных норм.

Очевидно, с такими же проблемами столкнулось греко-римское население Византийской Империи, и потому в Кодексе Юстиниана мы наблюдаем детальную регламентацию опубликования нормативных актов (С. 1.14.8). В связи с этим следует полагать, что вменение знания права было напрямую связано с общеизвестностью действующих предписаний. Максима *ignorantia iuris nocet*, воспроизводимая в текстах императорских установлений, служила средством проведения представления о *lex generalis* как общеобязательных нормах. Иными словами, действие правила о неизвинительности незнания являлось логическим следствием опубликования действующих норм, что обосновывало требование власти к населению различных провинций о соблюдении действующего порядка.

Таким образом, если в классическую эпоху ошибка в праве рассматривалась в контексте ожиданий частно-правовых субъектов гражданского оборота, то в императорском законодательстве она экстраполируется на отношения власти и подчинения. Иными словами, изменяется сфера действия максимы, её применение к конкретной форме позитивации права: если классические юристы могли говорить об *ignorantia iuris*, имея в виду типизированные общественным укладом поведенческие

³ Терминология заимствована у Г. Харта. Более подробно о первичных и вторичных нормах см.: Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ.; общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб.: «Изд-во С.-Петербур. ун-та», 2007. С. 85 – 105.

установки, то теперь речь идёт об *ignorantia legis*, о незнании письменно отраженных предписаний действующей власти.

Список литературы, рекомендуемой к прочтению:

1. Зезекало А.Ю. Заблуждение при совершении сделки / А.Ю. Зезекало. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С 61- 73;
2. Сильвестрова Е.В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V – X вв. н.э. М.: «Индрик», 2007. С. 17 – 73.
3. Третьяков С.В. Категория субъективного права и особенности действия принципа диспозитивности в классической пандектистике // Вестник гражданского права. 2019. № 4;
4. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 88 – 121 (URL: https://www.academia.edu/8206446/Значение_фикции_в_римском_праве_диссертация)
5. Van Warmelo P., *Ignorantia Iuris* // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis 22 (1954);